

Тондо
круглая пьеса

Гала Узрютова
gala.uzryutova@list.ru

С ОДНОЙ СТОРОНЫ

СПРАВА – толстый старик

СЛЕВА – красивый молодой мужчина

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

ЛЫСЫЙ – усталый мужчина лет 50

БРЮНЕТКА – она то молодеет, то стареет

БРЮНЕТ – наивный мужчина лет 45

ЛЮДИ

С ОБЕИХ СТОРОН

СЛОН – с оторванными ушами, со своими ушами, с новыми ушами, плюшевый

С ОДНОЙ СТОРОНЫ

СПРАВА и СЛЕВА сидят за столом на фоне стены.

В середине стены, на уровне глаз – круглое отверстие со стеклом.

В этот стеклянный круг постоянно
заглядывают люди С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

В левой части помещения – разноцветная ширма,
на рисунке ткани ширмы – несколько звезд.

У стены – грядка с морковью, ботва уже большая.

СПРАВА. Улдарчи шаян стоове келами ста бодеве ало-ало! Эсмл рау керокро вафчо

лоролоро нетиа индо трае! Воуб леоу невле агора туду кеа керокро стаме уве ау-ау ерна
яжув!

СЛЕВА. Прекрати!

СПРАВА. Шаян рау крокро невле воуб трае!

СЛЕВА. Прекрати, они же не слышат!

СПРАВА. Мне иногда кажется, что все-таки слышат.

СЛЕВА (повернувшись к отверстию). Идиоты! Пошли отсюда, пошли! Хватит сюда
смотреть!

Люди с другой стороны отверстия никак не реагируют,
а все с тем же любопытством разглядывают то, что с этой стороны.

Приветственно машут руками.

Справа встает и подходит к отверстию.

СПРАВА. Что вам всем надо? Дурак! И ты – дура! Я тебя дурой называю, а ты все равно
смотришь!

Люди с другой стороны все так же смотрят,
что-то говорят, тычут пальцами, но их не слышно.

СЛЕВА. И не скажешь, что у этого человека два высших образования (подходит к
отверстию). Вот эта в красном ничего, да?

СПРАВА. Жирная.

СЛЕВА. А вдруг они нас слышат?

СПРАВА. Жирная! Нет, не слышат. Ржет, как дура!

СЛЕВА. Ты ей нравишься!

Слева заходит за ширму, переодевается.

СЛЕВА (из-за ширмы). Функциональная ширма из ярких хлопковых полотен уберезет вас
не только от океанского шума, но и от ненужных взглядов. Все, что мы возьмем с собой на
берег, станет еще удивительнее с приложениями из неперменных сияющих звезд.

Слева выходит из-за ширмы в полосатом
слитном мужском купальном костюме,

в светлой шляпе с большими полями,
с пляжным ковриком.
Расстилает коврик, устраивается на нем,
закрывает лицо шляпой.
На него падает свет из отверстия, но его мало,
так как с другой стороны отверстия
столпились люди.

СПРАВА. Опять?

СЛЕВА. Отойди, солнце загораживаешь!

СПРАВА. Это не я, это они!

СЛЕВА. Всё солнце перегородил! Я не могу ходить таким бледным, как ты! Когда я бледный, мне кажется, что я голый.

Справа садится за стол, ест.
Слева принимает на коврике красивые позы.
Людей с другой стороны становится все больше.

СЛЕВА. Представь, что мы в отеле. А там – океан. Люблю отели. В них всё стерто. В отелях есть что-то такое...безличное. Это нейтральное пространство, с которым у тебя ничего не связано. Оно чужое. Оно ничье. Ничего тебя здесь не трогает. Нет того, к чему ты привык. Чего тебе жаль. Ты не боишься запачкать ковровин, потому что знаешь, что у горничных всегда в запасе куча средств, которые выведут пятна. А пятна – это ведь всегда чьи-то воспоминания. Поэтому в отеле так расслабляешься. Нет пятен – нет воспоминаний. Если, конечно, горничные добросовестные.

Люди с другой стороны, смотрят,
как красиво загорает Слева.

СПРАВА. Воспоминания как пятна не выведешь, они стойкие. Проще сразу заменить ковровин. (смотрит на отверстие) А ты пользуешься популярностью! Пародия на эпоху Возрождения!

СЛЕВА. Люди тянутся к красоте! Любуются ей. (садится на коврик) Когда человек смотрит на красоту, ему кажется, что он прикасается к чему-то прекрасному. Что он тоже становится красивым.

СПРАВА. Да ладно, не видать мне своих ушей!

СЛЕВА. Просто ты не видишь в людях красоту. Ее не слышно. Уродство всегда громче красоты. Помню, мне было лет семь. Отец повел меня на крышу дома, где он работал. Этажей двадцать. Обычный спальный район. Многоэтажки, стандартные коробки. Ангары супермаркетов. Старые машины, какие-то проржавелые гаражи. И он говорит мне, смотри какая красота. А я стою и не вижу красоты. Здания, машины вижу, а красоту – нет. Но теперь я понимаю, что ничего красивее того вида с двадцатого этажа я не видел. Никогда. И потом всегда, когда стоял на террасе в Риме, или на скале на мысе Рока, да везде – я думал, что ничего не может переплунуть того вида с двадцатого этажа. И там было очень тихо. На двадцатом этаже.

СПРАВА. С высоты всегда все красиво. А приблизишься – пшик.

СЛЕВА. Знаешь, что я тогда сказал отцу? До сих пор себя ненавижу за это. Сказал, что мне там скучно. Что только старики могут любоваться всем этим. Я заныл и уговорил его уйти. Мы просто взяли и ушли. Ненавижу.

Слева подходит к грядке с морковью,
садится рядом, выпалывает траву с грядки.
В помещение заходит плюшевый СЛОН без ушей,
его не замечают,
он исчезает за ширмой.

СЛЕВА. Много моркови будет. Хорошая уродилась.

СПРАВА (продолжая есть). Соль кончилась.

Слон появляется из-за ширмы, используя ее как трибуну.
Он в черной мантии судьи и с молоточком.

СЛОН. Чей я из вас?

Справа и Слева оборачиваются на ширму.
Люди с другой стороны теснят друг друга,
стремясь увидеть Слона.

СЛОН. Чей я из вас?

СПРАВА. Кто это?

Слева снимает шляпу, подходит ближе к Слону,
рассматривает.

СЛОН. Чей я из вас?

Слева начинает плакать.

СПРАВА. Э, ты чего?

Слева опускается на пляжный коврик, плачет.

СЛОН (стукнув молоточком по ширме). Встать, суд идет!

Слева и Справа встают.

СЛОН. Подойдите ко мне.

Слева подходит к Слону.

СЛОН. Где мои уши?

СЛЕВА. Я могу свои отдать.

СЛОН. Где мои уши?

СЛЕВА. А как ты меня слышишь? Без ушей?

СПРАВА. Что вообще происходит?

СЛОН. Где мои уши?

СПРАВА. Что ему надо?

СЛОН. Сядьте.

Справа возвращается за стол.

Слева приближается еще ближе к Слону.

СЛЕВА. Я не виноват. Я не понимаю..что это...как..как ты меня нашел?

СЛОН (стукнув молоточком). Где мои уши?

СЛЕВА. Я искал тебя, правда. Я проснулся, а тебя уже в комнате не было. Потом родители

сказали мне: зачем тебе этот слон без ушей, а я побежал к мусоропроводу, но там уже ничего не было, правда. Я долго тебя искал. Просил, чтобы тебя вернули.

СЛОН. Меня выкинули. Без ушей. Где мои уши?

СЛЕВА. Я хотел отдать тебе свои уши, но мама сказала, что они не подойдут.

СЛОН. С твоими ушами я мог бы услышать только, как поворачивает трамвай на улице Ленина. А со своими я мог слышать не только, как он поворачивает, но и как там, внутри, кондуктор отрывает билет, о чем говорят люди, как Лягазова опять жалуется Зайцевой, что мусоропровод забился, потому что кто-то выбросил туда одеяло. Кому в голову придет выбрасывать одеяло в мусоропровод, говорит Лягазова! И Лягазова вешает у мусоропровода объявление: одеяло в мусоропровод не бросать, сами будете чистить!

СЛЕВА. Я не бросал твои уши в мусоропровод.

СЛОН. А как ты меня кормил? Как! Раньше, раньше-то времена были! (исчезает за ширмой, что-то ищет, выныривает с газетой, находит там статью, читает) Взять хотя бы 18 век, слоновый двор в Петербурге. Тогда слонам давали: сухого тростника – 1,500 пудов, сорочинского пшена – 136 пудов, сахара – 27 пудов, корицы, мускатных орехов и прочих пряностей – по 8 фунтов, соли – 45 пудов в год. Прошу прощения, вина виноградного – 40 ведер, водки – 60 ведер. (выкидывает газету за ширму)

СЛЕВА. Я сажал тебя с собой за стол, но родители говорили, что такие большие мальчики с игрушками не едят.

СЛОН. Как ты похож на своего отца, как похож! Он тоже был холоден, все время один, сам по себе. А что ему делать, если он понял, что его сын – это ты? Я бы сам оторвал себе уши, чтобы не слышать, что у него внутри. А ты никогда не знал, что у него внутри, тебя это не интересовало. Какие тут уши слона, если тебя собственный отец не интересовал?

СЛЕВА. Я не виноват, я случайно оторвал одно ухо, второе отлетело само, я хотел пришить, я не виноват!

СЛОН. Отец всегда ждет, что его ребенок будет самым лучшим. Самым умным. Он уж точно не ждет, что тот станет рвать слону уши. И что его жена уедет с другим. Ты помнишь, как вы с отцом всегда, когда шли мимо главных часов на башне, сверяли по ним свои часы. Он говорил: эти часы никогда не врут. Ты спрашивал, даже на минуту? Он говорил, даже на минуту. Ты спрашивал, а кто следит за всем временем в мире, чтобы было правильно? А он отвечал, что много кто следит. А если они уснут, говорил ты. Другие не спят, повторял он. Дома часы всегда отстают, а эти – на башне – правильные! Не спешат, не отстают, а как надо. Твой отец говорил, обязательно должны быть где-то правильные, часы, которые не отстают и не спешат, а идут, как надо. Ты всегда верил в такие часы. Ты помнишь, как к твоей матери подходили во дворе. Я сидел у тебя на руках, а все говорили, какой ты

красивый? Твоей матери это нравилось. Конечно, она не могла допустить, чтобы у такого красивого мальчика, был такой некрасивый слон без ушей! Что стало с тем красивым мальчиком? Почему его больше никто не любит?

СЛЕВА. И ты меня больше не любишь?

СЛОН (стукнув молоточком). Где мои уши? Я не представляю, сколько они слышали с тех пор, как исчезли. Когда они вернутся, мне придется прослушать все, что они слышали за эти годы! И начнут они с тех пор, когда тебе было семь лет. Я боюсь сойти с ума! Я что – должен все оставшиеся годы слушать то, что сказали бы в эти уши в предыдущие годы?

Справа встает и идет к ширме.

СПРАВА. Слушай, ты долго будешь с игрушкой разговаривать?

СЛЕВА. Не трогай его, это он, я его знаю.

СПРАВА. Там давка сейчас уже будет от твоего представления!

СЛОН. Сядьте!

Справа подходит к отверстию, смотрит,
как много людей, возвращается за стол, ест.

Слева падает перед ширмой со Слоном на колени.

СЛЕВА. Слоник, мой! У меня же с детства никого ближе тебя не было! Когда отец ушел, а мать уехала, ты же единственный, то был со мной! Слоник! Помнишь, как мы с тобой говорили? Ты всегда меня слушал, больше никто не слушал, а ты – слушал!

СПРАВА (встает). Ты в своем уме?

СЛЕВА. Слоник, прошу тебя, не пропадай больше! Я пришью тебе новые уши! Вот хоть из этой ткани! С непременно звездами! Натуральный хлопок! Пожалуйста, не оставляй меня больше одного! Ты бы знал, как я тут один, ты бы знал!

Слон исчезает за ширмой.

СПРАВА (подходит к Слева). Ты совсем рехнулся?

СЛЕВА. Слоник, я верну тебе твои уши, верну!

СПРАВА. Да нет здесь никакого Слона!

СЛЕВА (вскакивает). Как нет? Слоник! Где ты? (заглядывает за ширму и смотрит на

СПРАВА) Где он? Что ты с ним сделал? Это ты оторвал его уши? Ты?

Люди с другой стороны оживляются, наблюдают.

Слева начинает трясси Справа за ворот.

СПРАВА. Не трогай меня, чокнутый! Не брал я твоего слона! Сколько можно разговаривать со слоном? Он все равно тебя не слышит! Он без ушей! Без ушей!

СЛЕВА. Так это ты оторвал его уши? Ты? Я так и знал! Куда ты их дел? Верни его уши! Я все равно узнаю, где они! Все равно узнаю!

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Обратная сторона той же стены
с круглым стеклянным отверстием.

ЛЫСЫЙ и БРЮНЕТКА наблюдают через отверстие за Справа и Слева,
видят, как Справа ест за столом,
а Слева ходит по комнате.
С одной стороны горит свет.

ЛЫСЫЙ. Сколько можно на них смотреть? Что ты в них нашла?

БРЮНЕТКА. Дай еще хоть немного посидеть, пока народу нет.

ЛЫСЫЙ. Не понимаю, что за удовольствие.

БРЮНЕТКА. Смотри, слева который бритву достал.

ЛЫСЫЙ. Я могу дома хоть пять раз в день бриться, если тебе это так интересно.

БРЮНЕТКА. О, Господи, он чуть не поранился!

ЛЫСЫЙ. Пойдем домой, я устал.

БРЮНЕТКА. Иди, я догоню.

ЛЫСЫЙ. В прошлый раз три часа здесь сидела.

БРЮНЕТКА. Нет, я недолго.

ЛЫСЫЙ. Бреется, как мальчишка. Чего руки-то трясутся?

БРЮНЕТКА. Господи, осторожнее! Такое ощущение, что бритва у него все время соскальзывает.

ЛЫСЫЙ. Меня отец бриться учил. Я раза три порезался, потом все как по маслу.

БРЮНЕТКА (в отверстие). Что ты сидишь? Что сидишь? Покажи ему, как бриться!

ЛЫСЫЙ. Они тебя не слышат. Мужуку лет 37, ты что думаешь, он бриться, что ли не умеет?

БРЮНЕТКА. Тридцать семь? Он мальчик совсем!

ЛЫСЫЙ. Ага, лет сорока. (гладит Брюнетку по руке) Пойдем домой. Побреешь меня сама, если хочешь. И вообще...есть же неприкосновенность частной жизни, в конце концов, а ты все смотришь и смотришь.

БРЮНЕТКА. Подожди, я досмотрю, как он бреется. Нет у человека никакой частной жизни. Она заканчивается в тот момент, когда он выходит из живота матери. Там внутри он мог вести какую угодно частную жизнь, а вылез – добро пожаловать в мир. Добро пожаловать к остальным.

ЛЫСЫЙ. Ну что, мы будем ждать, пока он свои уши не сбреет, что ли?

БРЮНЕТКА. Господи, он порезался! (слегка ударяет Лысого по ноге) Это все из-за тебя!

ЛЫСЫЙ. Я тут причем?

БРЮНЕТКА. Нечего под руку говорить! (в отверстие) Да помоги ты ему хоть кровь остановить!

ЛЫСЫЙ. Причем тут я? Слушай, мне это уже надоело! Машина не заводится – я виноват!

Постригли тебя плохо – я виноват. Сын твой не звонит – опять я виноват.

БРЮНЕТКА. А кто меня уговорил переехать в другую страну?

ЛЫСЫЙ. Ты могла взять сына с собой!

БРЮНЕТКА. Ты бы видел свое лицо, когда я это предложила!

ЛЫСЫЙ. Ты сама сказала, что он должен окончить гимназию и не стала его забирать!

БРЮНЕТКА. Из-за тебя я так и не стала нормальной матерью! Я все пропустила, все!

ЛЫСЫЙ. Начинается!

БРЮНЕТКА. Ты просто не представляешь, что это такое, когда вот так... сын же весь из меня вылез, он весь мой, а потом – раз и всё! Мне потом даже казалось, что он у меня внутри там всё крутится, что он еще не родился...Он астрономом хотел быть. Когда на балконе сидели, рассказывал мне про бесконечность всего. Пять лет – а он уже про бесконечность всего. Вычитал где-то, что следы людей никогда не исчезают из Вселенной. Даже тех, которые умерли. Там по-научному как-то все объясняется. Как я поняла, у нас, ну, у людей, есть гравитационное поле. И это поле – оно – при рождении – начинает распространяться по космосу, что-то он еще про скорость света говорил. И представляешь, вот родился человек, и через несколько минут, его поле уже касается солнца. Я ему говорю, а наоборот когда-то что? Он отвечает, что даже когда человека уже нет, его поле все еще есть. Оно двигается и двигается во Вселенной. То есть, понимаешь, поля всех людей – они всегда есть в космосе. Они уменьшаются, но никогда не исчезнут. (встает) Я думала, ты меня правда любишь...

Брюнетка медленно ходит туда-сюда.

БРЮНЕТКА. Я вот думаю. Если бы я сейчас была не с этой, а с той стороны, и смотрела на нас. Подумала бы, что мы совсем старые. Что эти женщина и мужчина друг друга не знают. Пришли сфотографироваться на паспорт.

ЛЫСЫЙ. Только на этой фотографии у меня было бы видно, лицо, а у тебя – ноги.

БРЮНЕТКА. А что, у меня всегда были красивые ноги.

ЛЫСЫЙ (продолжая сидеть, трогает руками ноги Брюнетки). Они у тебя и сейчас красивые. О чем ты все время думаешь?

БРЮНЕТКА. Ты не понимаешь. Женщина...она как город, из которого вырастает ребенок. И он должен знать, что всегда может вернуться в этот город. В красивый город. В веселый город. А не грустный и темный, в котором фонари не работают через один.

ЛЫСЫЙ (хотел встать, но что-то заметил в отверстии). Смотри! Что они делают?

БРЮНЕТКА (тоже садится у отверстия). Странно.

ЛЫСЫЙ. Совсем рехнулись? Говорил тебе еще на той неделе – не надо сюда ходить!

БРЮНЕТКА. Может, ты был прав.

ЛЫСЫЙ. Идем отсюда! Дай людям жить спокойно!

БРЮНЕТКА. Подожди.

ЛЫСЫЙ (встает). Я ухожу.

БРЮНЕТКА. Подожди, сейчас!

ЛЫСЫЙ. Они смотрят прямо на нас!

БРЮНЕТКА. Тебе кажется!

ЛЫСЫЙ. Этот молодой – он прям сюда смотрит!

БРЮНЕТКА. Помахать ему?

ЛЫСЫЙ. Ты что – рехнулась?

БРЮНЕТКА. Какой он красивый.

ЛЫСЫЙ. Второй идет сюда! Быстрее!

БРЮНЕТКА. Сейчас!

ЛЫСЫЙ. Что он на себя нацепил?

БРЮНЕТКА. Забавно.

ЛЫСЫЙ. Я ухожу!

БРЮНЕТКА. Все! Иду!

Брюнетка бежит за Лысым,
но возвращается за забытым пальто.
Из пальто что-то выпадает, но Брюнетка не замечает.

ЛЫСЫЙ. У тебя что-то упало.

Брюнетка поднимает упавшее.

ЛЫСЫЙ. Что это?

БРЮНЕТКА. Уши.

ЛЫСЫЙ. Какие уши?

БРЮНЕТКА. Уши Слона.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ

Слева сидит на плечах у Справа,
Слева примеряет большие уши Слона себе на голову.

Они смеются.

СЛЕВА. Ты видел, как тот мужик убежал от окна? Видел?

СПРАВА. Женщина осталась, стойкая попалась.

СЛЕВА. Ты видел ее ноги? Я хочу рассмотреть ее лицо.

СПРАВА. Сейчас.

Они идут к отверстию.

Слева машет большими тканевыми ушами.

Женщина (Брюнетка) удаляется от окна с другой стороны.

СЛЕВА. Бедная, испугалась.

СПРАВА. Не видать мне своих ушей – сбежали.

СЛЕВА. Я так и не успел ее рассмотреть.

СПРАВА (опускает Слева вниз). Всё, я больше не могу.

Слева со смехом валится на пол.

СЛЕВА. А она смелее него.

СПРАВА. Матриархат, что ты хочешь. Я бы тоже удрал.

СЛЕВА (садится за стол, все еще с ушами). Есть два типа людей. Один всегда уходит, другой
- всегда остается.

СПРАВА. Не люблю мыслить крайностями.

СЛЕВА. Это не крайности. Есть люди -берега, а есть люди-корабли. Одни причаливают и отчаливают, другие остаются и ждут. Когда к ним кто-нибудь причалит.

СПРАВА. Слушай, сними эти дурацкие уши.

СЛЕВА. Я хочу, чтобы когда он придет, он увидел, что я сшил для него уши.

СПРАВА. Не придет.

СЛЕВА. Почему?

СПРАВА. Не было никакого Слона!

СЛЕВА. Был! (снимает уши, кладет на стол).

СПРАВА (подходит к отверстию). Что-то больше нет никого. Всех распугали. (возвращается за стол). От меня все отчалили. Абсолютно все. Дочь звонит иногда, а остальные даже не появляются. Карты что ли у них сломались, берег мой найти не могут. Мне иногда кажется, что я вообще не существую. Что меня вообще нет. Необитаемый остров.

СЛЕВА. Как это? Я вижу тебя, ты здесь.

СПРАВА. Слона ты тоже видишь.

СЛЕВА. И он есть.

СПРАВА. Нет.

СЛЕВА. Как нет? Я и уши уже для него сшил. Из хлопка. С аппликациями из непременных звезд. (встает) А ты не пробовал найти своих родных?

СПРАВА. А кому нужен старик с простатитом и гнилыми зубами. Вот если бы с чемоданом денег – сразу бы все остров сокровищ открыли. И карта бы не понадобилась.

СЛЕВА. Откроют (смотрит в отверстие). Интересно, что это за пара. Из-за того, что тут такой свет, я ничего не разглядел.

СПРАВА. Очередная парочка любопытствующих идиотов.

СЛЕВА. Почему она так долго не уходила.

СПРАВА. Она так бы и торчала здесь, если бы ты представление с ушами не устроил!

СЛЕВА. Может, еще придет.

СПРАВА. Бежит и волосы назад.

Слева заходит за ширму, переодевается.

Никто не замечает, как в отверстии появляется Слон.

Справа ест за столом.

Слева выходит из-за ширмы в одежде для йоги, с ковриком для йоги.

Расстилает коврик.

СПРАВА. Опять.

СЛЕВА. Может, хватит есть? У меня есть еще один коврик.

СПРАВА. Да зачем нам эта йога, если мы не существуем?

СЛЕВА. Не знаю, как ты, а я существую.

СПРАВА. На твоём месте – если бы я существовал – я бы не тратил время на разные там позы собаки.

СЛЕВА. На твоём месте – если бы я существовал – мне было бы стыдно за такое пузо.

СПРАВА. Думаешь, ты что ли всегда таким красивым будешь? Эпоха Возрождения!

Слева располагается на коврике и
вдруг замечает Слона в отверстии,
но тот сразу исчезает.

СЛЕВА (вскакивает). Ты видел? Там в окне! Слон!

СПРАВА. Нет там никакого Слона.

СЛЕВА. Но он только что был!

СПРАВА. Я же говорю, слон не существует, и мы не существуем.

СЛЕВА. Я видел его!

СПРАВА (встает, подходит к отверстию). Нет там никого! (садится, ест) Понимаешь, если бы мы существовали, если бы этот вот слон существовал, все было бы совсем по-другому.

СЛЕВА. Я же не показал ему уши!

СПРАВА. Я говорю, если бы мы существовали, то я бы был сейчас рядом со своими детьми. У меня когда-то даже жена была, да.

Слева встает, ищет уши на столе.

СЛЕВА (уносит уши на коврик). Надо наготове держать, вдруг вернется.

СПРАВА. Жену звали Жаужежа.

СЛЕВА. Он вернется, и я отдам ему уши.

СПРАВА. Жаужежа. Имени-то нет такого. Значит, и жены не было. Как не видать мне своих ушей, не было!

СЛЕВА. Эти уши даже больше тех, что у него были. Он будет слышать, не только о чем в трамвае говорят, но и как огурцы скрипят у бабок в пакетах, когда они с рынка едут.

СПРАВА. А чего не было, то и вспоминать нечего.

СЛЕВА. Как у бабки очки в чехле трясутся, будет слышать.

СПРАВА. Или это одно имя такое незанятое осталось. Жаужежа. Все имена заняты, а одно свободно. Поэтому его никто не знает.

СЛЕВА. Как конфеты у нее в кармане шуршат, даже услышит. Может, Слон обиделся, что я потом зайца завел. Но я и с ним играл, одинаково играл – и с ним, и с зайцем.

Слева кладет уши рядом с ковриком,
начинает йогу с дыхательных упражнений.

СПРАВА. А если жены не было, то и детей не было. А кто тогда звонит? Показалось, может.

Слева застывает в йога-позе «героя».

СПРАВА. С другой стороны, может, мы и существуем, но как объяснить тогда, что здесь происходит, и почему ты видишь слона?

СЛЕВА. Скоро мне начнет казаться, что я здесь один, а тебя не существует.

СПРАВА. Йогой надо молча заниматься.

Слева продолжает заниматься молча.

Справа встает, ходит по комнате.

СПРАВА. Я вот тут подумал, что ты будешь делать, когда выйдешь отсюда? С твоей этой йогой, с твоими эти ушами. С твоей этой морковью. Как ты там будешь. А ты же такой – два слова не скажи, палец не покажи, а ты уже рыдаловом ревешь! Там со слонами уже не поговоришь, с людьми надо разговаривать.

Поза Слева нарушается, он валится на коврик, садится,
начинает растягиваться.

СЛЕВА. А, может, я не захочу с ними разговаривать.

Справа заходит за ширму, переодевается.

СПРАВА (из-за ширмы). Кто тебя спрашивать будет? Они просто заговорят с тобой и все. А если будешь молчать, то отправят тебя в класс коррекции.

СЛЕВА. Я буду говорить только с теми, с кем захочу.

СПРАВА. Не получится. Придется говорить со всеми. А с теми, кто неприятен, даже чаще.

СЛЕВА (делает позу собаки). Зачем мне с ними разговаривать?

Справа выходит из-за ширмы в пижаме.

СПРАВА. Потому что тебе от них будет что-нибудь нужно.

СЛЕВА. Мне ничего не нужно от неприятных людей.

Справа ложится в пижаме на пол, накрывается одеялом.

СПРАВА. Дело в том, что многое из того, что тебе нужно, часто находится у неприятных людей.

СЛЕВА. Значит, мне будет нужно что-то другое.

СПРАВА. Я тоже так думал.

Слон слова вылезает из-за ширмы,
наблюдает, его не замечают.

Он исчезает.

Слева пытается сесть на шпагат,
но у него не получается.

СПРАВА. Ты будешь спать или нет, хватит там ноги гнуть. (пауза) Мы изучим Юпитер, но не сможем там жить...мы изучим Венеру, но не сможем там жить...

Справа щелкает пальцами,
и свет в его части комнаты выключается,
остается только свет над Слева.

Слева молча делает еще несколько упражнений из йоги.

Затем Слева щелкает пальцами, свет гаснет и над ним,
он устраивается спать на коврик.

Над ширмой загорается едва заметный свет,
из-за ширмы выходит Слон и начинает
ходить вокруг засыпающих Справа и Слева,
с фонариком заглядывая под их одеяла.

Он ищет уши.

Выключив фонарь, Слон возвращается за ширму.
Высунувшись поверх ширмы в мантии судьбы,
Слон включает фонарь и направляет его
то в лицо Справа, то в лицо Слева.

СЛОН (стукнув молоточком). Встать, суд идет!

Слева и Справа вскакивают и встают перед ширмой.
По ним ерзает фонарь Слона.
С другой стороны отверстия
появляются любопытные лица людей.

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Обратная сторона той же стены
с круглым стеклянным отверстием.
Брюнетка и БРЮНЕТ прорываются сквозь
толпу людей, собравшихся у отверстия.

БРЮНЕТ (показывая билет). Уважаемые, у нас билет на 10.30. вот, пожалуйста, посмотрите
(Все оглядываются, смотрят на билет). Пропустите, пожалуйста. У нас индивидуальный
просмотр.

БРЮНЕТКА. Извините, у нас билет (показывает).

Люди постепенно расходятся,
Брюнетка и Брюнет садятся у отверстия.

БРЮНЕТКА. Сколько народу сегодня.

БРЮНЕТ. Конечно, на днях уже выйдет. Всем интересно.

БРЮНЕТКА. Дорого, а что делать.

БРЮНЕТ. Это все твое любопытство.

Брюнет и Брюнетка целуются.

БРЮНЕТКА. Он сейчас нас увидит.

БРЮНЕТ. Ну и что.

БРЮНЕТКА. Ну вот, снова он синее надел. Синее ему не идет.

БРЮНЕТ. Опять начинаешь? В тот раз красное ему не шло, теперь синее?

БРЮНЕТКА. Ну, смотри, в синем, он какой-то тощий!

БРЮНЕТ. Если ему хочется носить синее, пусть носит синий. Какая разница – синий, красный – внутри-то он один и тот же!

БРЮНЕТКА. Но внешне же его будут воспринимать по-разному!

БРЮНЕТ. Хватит орать, он на нас опять посмотрел!

БРЮНЕТКА. Это ты орешь!

БРЮНЕТ. Я никогда не ору!

БРЮНЕТКА. Ты только и делаешь, что орешь!

БРЮНЕТ. Я надеюсь, она там всего это сейчас не слышит!

БРЮНЕТКА. А пусть слышит, чтобы тебе стыдно было!

БРЮНЕТ. Почему мне должно быть стыдно?

БРЮНЕТКА. Потому что ты на меня орешь!

БРЮНЕТ. Прекрати!

Брюнет отходит от отверстия, ходит туда-сюда.

Брюнетка плачет.

С обратной стороны отверстия в стекло

вдруг стучится обеспокоенный Слева.

Брюнетка вскакивает, вытирает слезы,

уходит подальше от отверстия.

Через стекло Слева ищет ее взглядом.

БРЮНЕТКА. Ну вот, что ты наделал?

БРЮНЕТ. Сейчас он успокоится. (подходит к Брюнетке, обнимает) И ты – успокойся.

Слева продолжает смотреть через стекло, он заплакал.

БРЮНЕТКА. Он плачет. Все из-за тебя! Он плачет!

Брюнет продолжает обнимать Брюнетку.

Лицо Слева исчезает где-то за стеклом.

БРЮНЕТКА. Может, мне постричь волосы?

БРЮНЕТ. Постриги.

БРЮНЕТКА. А ты не будешь меня бояться?

БРЮНЕТ. Нет, почему?

БРЮНЕТКА. Один парикмахер мне сказал, что он побаивается женщин с короткими волосами. Он сказал, что чем короче волосы у женщины, тем больше мужчин она отрезала. А женщины с длинными волосами – они счастливые. У них больше любви. Они реже отрезают.

БРЮНЕТ. Чувшь какая. Иногда женщина просто хочет сменить имидж.

БРЮНЕТКА. Он говорит, что нет. Что многие женщины стригут не волосы - состригают мужчин.

БРЮНЕТ. Ты хочешь меня состричь?

БРЮНЕТКА. Нет. Прошрое.

БРЮНЕТ. Тогда постригись.

БРЮНЕТКА. Постриги меня.

БРЮНЕТ. Нельзя, чтобы близкий стриг.

БРЮНЕТКА. Ты не хочешь меня стричь?

БРЮНЕТ. Это нехорошо.

БРЮНЕТКА. Тебе неприятно?

БРЮНЕТ. Нет, ты что.

БРЮНЕТКА. Я же смотрю, как ты ногти в спальне стрижешь. Да еще бумажку под ногу подкладываешь, ставишь на нее ногу и стрижешь. Меня не смущает. Просто раздражает, когда ногти летят и летят перед моими глазами.

БРЮНЕТ. Необязательно на это смотреть.

БРЮНЕТКА. Зачем тогда стричь ногти перед сном, когда мы уже ложимся? Ведь я там – в спальне! Ты что – меня совсем не замечаешь? Раньше за каждым шагом следил, а теперь ногти передо мной стрижешь.

БРЮНЕТ. Ты зачем сейчас все это говоришь?

БРЮНЕТКА. Не беспокойся, там ничего не слышно.

БРЮНЕТ. Слышно.

Брюнетка подходит к отверстию, смотрит.

БРЮНЕТКА. Неслышно. Они занимаются своими делами.

БРЮНЕТ. Не надо было нам сюда приходить. Ты каждый раз слишком волнуешься.

БРЮНЕТКА. Он спросит тебя, почему снег так быстро становится грязным? Кто первым решает, что можно испачкать снег? Кто-то же первым наступает на него? Что ты ответишь?

БРЮНЕТ. Правду (обнимает Брюнетку).

БРЮНЕТКА. Я не буду ему говорить ничего плохого.

БРЮНЕТ. Я буду.

БРЮНЕТКА. Тогда он не будет тебя любить.

БРЮНЕТ. Я буду его любить.

БРЮНЕТКА. Смотри, он спать ложится. Такой красивый.

БРЮНЕТ. Пойдем, сейчас свет выключит, все равно ничего не будет видно.

БРЮНЕТКА. Дай я еще посмотрю. Один совсем.

БРЮНЕТ. Пойдем.

В отверстии гаснет свет.

Брюнет и Брюнетка уходят.

Свет гаснет

В отверстии загорается свет, а в нем – Слон без ушей.

С ОДНОЙ СТОРОНЫ

Слева и Слон.

Слева выкапывает морковь, отряхивает землю
и складывает морковь в мешок.

Слон примеряет большие уши,
которые приготовил для него Слева.

В углу стоят переносная лестница и проектор.

СЛОН. Ничего так. Мне кажется, или правое больше левого?

СЛЕВА (продолжая собрать морковь, ненадолго обернувшись). Они одинаковые, я измерял. Специально сделал их больше, чтобы ты лучше слышал.

СЛОН. Перестарался, по-моему. Я в них совсем урод, да?

СЛЕВА (повернувшись). Нет, тебе идет.

СЛОН. Из кармана вынь, на нервы действует.

СЛЕВА. Что вынуть?

СЛОН. Ну, что у тебя там шуршит? Не видать мне своих ушей как раздражает.

Слева заканчивает выкапывать морковь,
ставит мешок у стены,
отряхивает руки,
лезет в карманы,
выбрасывает из них бумажки, фантики, мелкие вещи.
Слева встает, подходит к Слону.

СЛЕВА. Я так скучал по тебе.

СЛОН. Давай без соплей. Иди уже.

СЛЕВА. Может, завтра?

СЛОН. Сегодня.

СЛЕВА. С тобой так быстро уснуть получается.

СЛОН. Ага, и слюни на меня пускать. Одно хорошо – эти уши еще без твоих слюней.

СЛЕВА. Жду тебя всегда. Ты такой маленький, а мне всегда кажется, что ты намного больше меня. Наверное, поэтому я и сшил тебе такие огромные уши. Ты огромен.

Слева и Слон обнимаются.
Слон идет к переносной лестнице,
несет ее к отверстию,
ставит.
Слон залезает по лестнице к отверстию, открывает его,
спускается.
Слева подходит к лестнице, смотрит на Слона.
Слон показывает лапой на отверстие.
Слева начинает карабкаться по лестнице, вдруг оглядывается.
Слон идет к мешку с морковью, подает его Слева.
Вместе с мешком Слева лезет дальше и вылезает через это круглое
отверстие с другой стороны стены,
волоча за собой мешок моркови.
Смотрит на Слона уже снаружи.
Слон залезает по лестнице к отверстию, закрывает его,
слезает, валит лестницу.
Слева продолжает наблюдать за Слоном снаружи.
Слон идет к углу, берет проектор,

несет его в центр комнаты, включает,
направляет на стену с отверстием,
от яркого света Слева отскакивает.

Слон берет пульт, садится на стул, лицом к стене,
нажимает на кнопку пульта.

Голос из пульта. У вас более 100 лет непослушных разговоров и звуков. Желаете прослушать с самого начала или продолжить с момента, где остановились?

СЛОН. С момента, где остановился.

Голос из пульта. Нажмите среднюю кнопку.

Слон нажимает кнопку пульта.

На стене проектор начинает показывать фотографии круглой формы,
которые как раз вписываются в отверстие.

Или это не фотографии, а картины или барельефы – одним словом, тондо.

На этих тондо – снятые через отверстие стены картины:

- Брюнетка и Брюнет вместе в молодости;
- Брюнетка и Брюнет на море, она беременна;
- Брюнетка вместе с маленьким Слева на руках, сзади их обнимает Брюнет;
 - маленький Слева в обнимку с Брюнетом;
 - чуть подросший Слева спит в обнимку со Слоном с ушами;
 - грустные Брюнет и Брюнетка вместе;
 - Брюнетка одна со Слева;
 - Брюнет один со Слева;
 - грустный Слева со Слоном без ушей;
 - Брюнетка с Лысым в обнимку;
 - Брюнетка с Лысым целуются;
 - Слева один;
 - Брюнет один;
 - Брюнет и Слева вместе;
- Слева взрослый один (когда Слон видит это фото, он говорит: «Эпоха Возрождения!»);
 - счастливые Брюнетка и Брюнет;
 - счастливые Слева и Брюнет вместе;
 - сэлфи Слона с новыми большими ушами.

Когда начинают показываться снимки,
включаются звуки разговоров и шумов, пропущенные Слоном за все эти годы.

Слон выключает проектор